

Насреддин в России

Только для некоммерческого распространения For noncommercial redistribution only

4
выпук
issue

p n η u p k m u h u j k p k u l n i q p k k p k u

арман ва ўзбек тилларидағи нашр

Совместный проект мигрантов и художников Санкт-Петербурга

Jointly produced by Saint-Petersburg migrants and artists

Айриликда бирга

Мана анча йиллардан бүён Насридин пул топиш учун Россияга боради. У оиласидан узокда қандай қилиб яшамокда? Оиласи эса усиз қандай яшаб келаяпти? Умуман айтганда, интернет ривожланиб, оммавий мұхажирлик авж олган вақтда оила ўзи нима? Уйдан узокда меңнат қилиш яқинларнинг ўртасидаги муносабатга кучли таъсир ўтказиши мүмкін. Эркак ва аёлнинг ўз ўрни мавжудлигидек анъанага нима бўлади? Биз айнан турмуш ўртоқлари узокда бўлгани учун нафақат ўз оиласига, балки жамоатчилик учун бўлган масъулиятни ҳам бўйнига олган аёлларни учратдик.

Ўзга юртда янги муносабатлар қандай шаклланади? Нима учун баъзилар ўз тўйига пул топиш учун ишлашга келса, бошқалар шу ерда никоҳ тузиб, муқим қолишига интилишади? Шаҳарликларнинг оиласа бўлган қараси таъсири остида муҳожирларнинг қариндош-уругчиликдек тушунчалари қай даражада сақланиб қолаяпти? Мұхаббатчи? Бугунги кунда у қаерда ва қандай шаклларда мавжуд бўлиши мумкин? Ушбу саволларга жавоб излаш учун биз Петербург шахридаги Тожикистон ва Ўзбекистонлик муҳожирлар билан сухбатлашдик, шунингдек, аҳолиси кулгу-ҳазиллар билан айрилиқ азобини енгиллаштиришга интиладиган мамлакат – Арманистонга саёҳат қилдик.

Тўртинчи сонимиз рус, ўзбек ва арман тилларида чоп этилди. Биз газетамизнинг бунданда кўп тилларда нашр этилишини истар эдик. Келажакда нашрларимиз Россияга келиб, меҳнат қиласидиган барча мухожирларнинг тилида – тоҷик, кирғиз, молдав, озорбайжон, украин ва бошқа тилларда чоп этилишини истар эдик.

ТЕМА НОМЕРА: **Вместе порознь**

Вот уже много лет ездит Насреддин на заработки в Россию. Как ему живется в разлуке с семьей? Как живет без него семья? Что вообще такое семья в эпоху массовой рабочей миграции? Наемный труд вдали от дома может сильно изменить отношения между близкими. Что происходит с традиционными ролями мужчины и женщины? Мы встречали жен, которых именно разлука с мужьями побудила взять ответственность не только за свою семью, но и за дела общины.

Как в новой стране складываются новые отношения? Почему одни приезжают для того, чтобы заработать на свадьбу, в то время как другие стремятся заключить брак, чтобы остаться? Как существуют свойственное горожанам представ-

ление о семье как о союзе мужа, жены и детей с пониманием семьи как большой общины родственников? А любовь? Где и в каких формах она возможна сегодня?

В поисках ответов мы общались с мигрантами из Таджикистана и Узбекистана в Петербурге, а также совершили путешествие в Армению — страну, где юмор помогает людям справляться с тяготами разлуки.

Четвертый выпуск выходит на русском, узбекском и армянском языках. Нам хотелось бы, чтобы языков было еще больше. В будущем мы хотели бы перевести нашу газету также на таджикский, киргизский, молдавский, азербайджанский, украинский и другие языки, на которых читают приезжающие в Россию люди.

Together Apart

Nasreddin has been traveling to Russia for many years to earn money. How does he live apart from his family? How does his family handle his absences? What is a family in an age of large-scale labor migration? Wage labor far from home can have a huge effect on relationships amongst loved ones. What happens to the traditional roles of men and women? We have met women who were moved by the long absences of their husbands not only to take charge running their families but also running their communities.

What kind of new relationships take shape in countries of immigration? Why do some migrant workers arrive to earn money to get married back at home, while others plan to get married in the new country and stay? How do different conceptions of family—the modern urban notion of family as a pact amongst husband, wife, and children, versus the largely rural understanding of family as a large community of relatives—coexist? And what about love? Where is it possible nowadays? What shapes does it take?

Looking for answers to these questions, we spoke with migrant workers from Tajikistan and Uzbekistan in Petersburg. And we took a trip to Armenia, a country whose famous sense of humor has helped people cope with the hardships of separation.

The fourth issue of our newspaper has been published in Russian, Uzbek, and Armenian. In future, we would like to translate the newspaper into Tajik, Kyrgyz, Moldovan (Romanian), Azeri, Ukrainian, and the other languages spoken by the people who come to Russia to work and live.

Տարանջատված միասին

Նասրեղինը տարիներ շարունակ
Ծուսաստան խոպան է գնում:
Ընտանիքից հեքու ինչպ էս է
ապրում: Ինչպէս է ընտանիքն
ապրում առանց նրա: Զանզվածային
աշխատանքային միզրացիայի
ժամանակներում ի՞նչ է ընտանիքն
առհասարակ: Տանից հեռու վարձու
աշխատանքը կարող է այլափիխել
մտերիմների հարաբերությունները:
Ի նշ է կատարվում տղամարդու և
կնոջ ավանդական դերերի հետ: Մենք

կանանց էինք հանդիպում, որոնց
հենց ամուսինների հետ բաժանումն
էր ղրդում պատասխանատվություն
վերցնելով միայն ընտանելիան հարցերի,
այլև համայնքի գործերի համար:

Ինչպէ՞ս են նոր երկրում ձևավորվում
նոր հարաբերությունները: Ինչու են
ոմանք զալիս հարսանիքի համար փող
աշխատելու, իսկ մյուսները ձգտում
են պահպէց և մնալ: Ինչպէս ս են
համազոյակցում քաղաքաբնակներին

բնորոշ ընտանիքի՝ որպես տղամարդու կնոջ և երեխաների միության մասին պատկերացումները և ընտանիքի որպես բարեկամական մեծ համայնքը ընկալումները։ Եսկ սե ըս: Որտեղ և ինձ ձեատակերով է այն հնարավոր այսօր:

Պատասխաններ փնտրելիս
Պետքը ուղղություն է կին
Տաշիկստանից և Շվեյցարիանից
Միզրանտների հետ, ինչպես նաև
Ճամփորդեցինք Հայաստան երկիր

որտեղ հումորն է օգնում հայթահարել
բաժանման դժվարությունները:

Չորրորդ թողարկումը լուս է տեսնում
ռուսերեն, ուզբեկերեն և հայերեն
լեզուներով։ Կցանկանայինք, որպեսզի
լեզուներն ավելի շատ լինեին։ Ապագայում
կուզեյինք թարգմանել թերթը տաշիկերեն,՝
որպերեն, մոլդավերեն, ադրբեջաներեն,
ուկրաիներեն և այլ Ռուսաստան
եկող մարդկանց համար հարազատ
լեզուներով։

В одном селе, из которого все Барча эркаклар ишлаш Ух қынғылғысы, прүнбеніңг ғылп

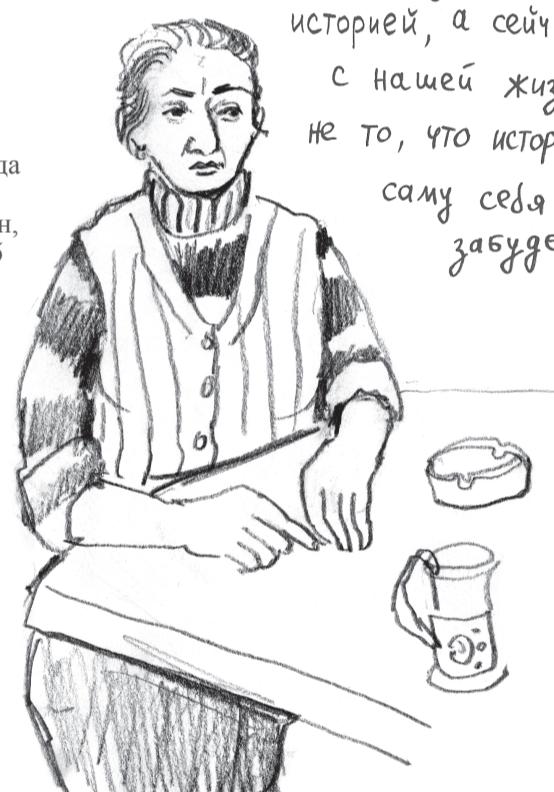

Шу Россиянгизда нима бор экан, намунча эркакларимиз у ерга кетавермаса?!

Եղի՞նչ կա ձեր
ուսաստաններում,
որ մեր տղամարդիկ
գնում են:

Авваллари тарихга жуда қизиқар әдим. Ҳозир эса тарих у ерда қолсın, ўзингни эсдан чикәриб қўясан!

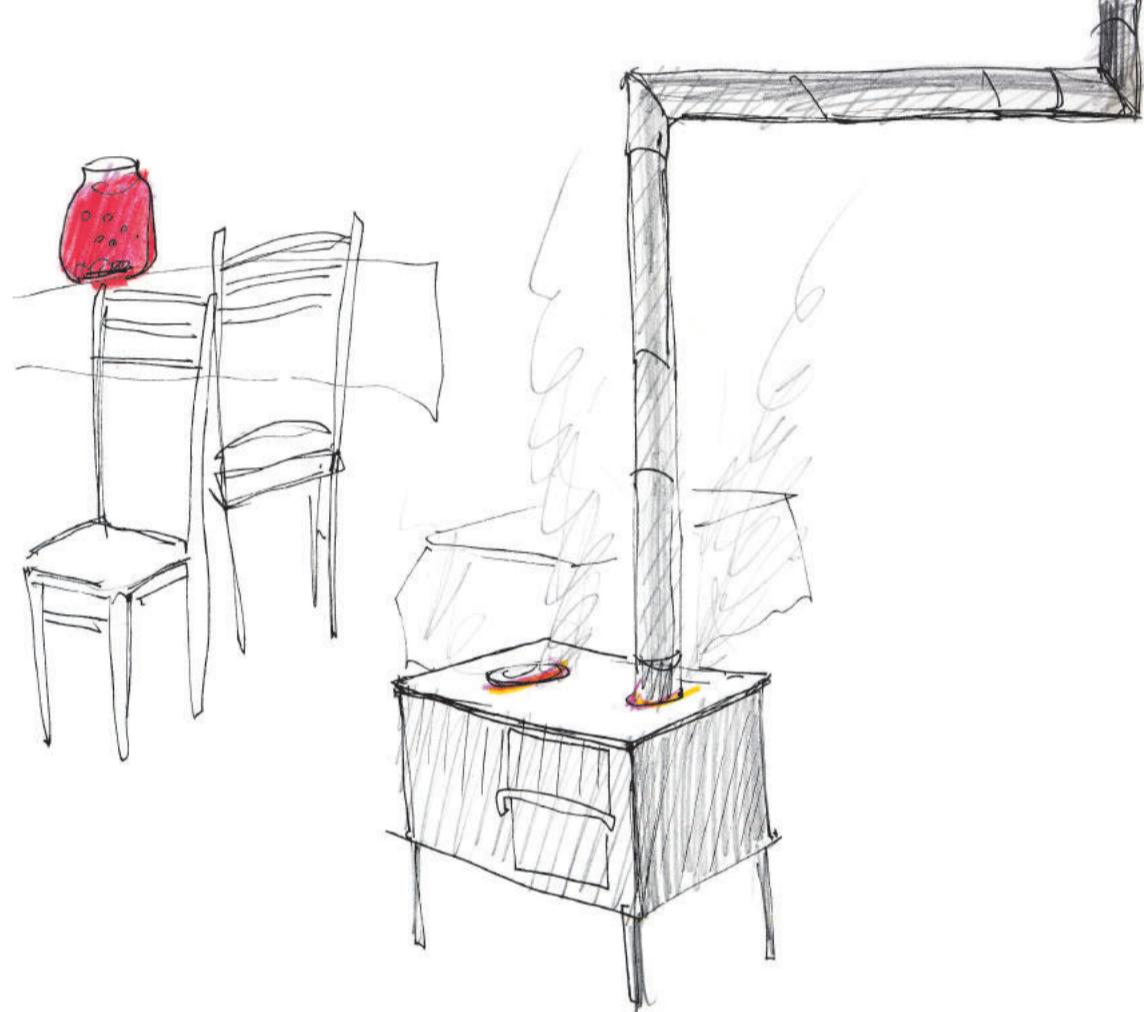
Առաջ պատմությամբ
էի հետաքրքրվում,
իսկ իհմա էս
կյանքով ոչ թե
պատմությունը՝
ինքդ քեզ
կմոռանաս:

Раньше увлекалась
историей, а сейчас
с нашей жизнью
не то, что история —
саму седя
забудешь!

Տնային տնտեսութիւն
եմ, ավելորդ անգամ
տանից դուրս չեմ
զախս: Բայց հաճախ
ինտերնես եմ մտնում,
հատկապես, երբ
զյուղում մի քան էն
չի: Էնձ մարզային
դեկապարությունում էլ
զիտեն:

Я домохозяйка, лишний раз из дома не выхожу. Зато часто выхожу в интернет, особенно если у нас в селе что-нибудь не так. Меня всё областное начальство знает!

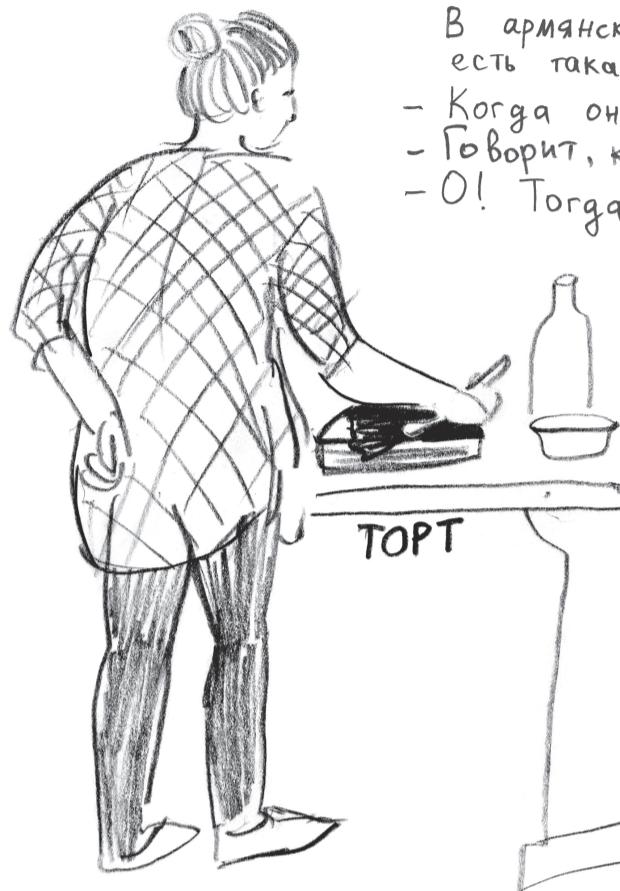

Мен уй бекасиман, иложи борича уйдан нарига чиқмайман. Аммо интернетта тез-тез кириб тураман, айниқса қишлоғимизда бирор-німа қилинмай қолса, фаолигимни күринг! Мени бутун вилоят ҳокимияти жуда яхши таниб қолган!

мужчины уехали на заработки...

учун кетган бир қишлоқда...

иңашмарлық խոյան են զնացել...

В армянском сериале „Теория гастарбайтерства“ есть такая шутка:

- Когда он вернётся?
- Говорят, когда закончит кладь асфальт.
- О! Тогда можно и не ждать, Россия — бескрайня!

Арманларнинг “Гастарбайтерлик назарияси” сериалида шундай хазил бор:
— У канон кайтаркан?
— Асфальт куйишни тугатса, кайтаркан.
— Э! Унда кутиб оввора бўлма, Россия — бепоён, хали бери тугамайди!

«Խոյանի տեսություն» հայկական սերիալում այսպիսի մի կատակ կա.
— Ե քը է նա վերադառնալու:
— Ասել է՝ երբ ասֆալտ փռելը վերջացնի:
— Օ, ուրեմն կարելի է չսպասել անձայրածիր է Ռուսաստանը:

— Хўжайнингиз Россиядаги зерикмайсизми?

— Зерикшга вақт йўқ. Бу ерда аёллик вазифаларимиз тўлиб ётибди: болаларимизга мактабда иссиқлик беришларига эришдик, ўйин ўйнашлари учун майдонча курдирилишини талаб қилиб олдик. Кўшиларимиз муҳтоҷ ахволда қолиб кетишганди, уларга мол олиб беришга ёрдамлашдик. Зерикб бўлибсиз!

— Ҷе՞ қарпушти, երբ ամուսինը Ռուսաստանում է:

— Қарпуштеноң дамавандық չկա: Унքը ստեղ մեր կանանց գործերով ենք. ինքներу ենք ҳасиб նրան, нр երեխերի համար դպրոցում ջեռուցում քաշқан և խաղаҳрашպарвак կառուցեն: Հարևաններն ել շаш қарпушвонр էին: Оғанեցինք, հիմա կով ունեն:

— Қарпуштеноң дамавандық չկա:

— Ես ռեգույар սպортун եմ զբաղվում՝ շտանգа
— և բարձրացնում:
— Ես ել կարտոֆиль մեշուկ եմ կրում, мեկ՝ բրիբի:
— Я тоже! Регулярно поднимают
— то мешок картошки,
— то навоза...

— Доим спорт билан шуғулланаман: штанга кўтараман.

— Мен ҳам шуғулланаман. Бир караса қоплаб картошка кўтараман, бир караса қоплаб тезак...

Шу Россиясида менга ҳам иш топилса эди, кетворардим!
Над համար գործ գոնվեր, ես էլ Ռուսաստան կգնայի:

Нашлась быи работа для меня,
и я быи в Россию поехала!

Цена брака

Стоимость свадьбы в Таджикистане и Узбекистане – от 400 ты

Жаршияниҳр аӯнебар Сиёҳқутишони և Оқирғизқутишони 400 ҳашквар тобигар:

qhün

Турмуш нархи

сяч рублей и выше

Тоқикистон ва Ўзбекистонда түй ўтказиш учун 400 минг рублдан бошлаб шул сарфланади

Ночь, только ночь — мое время, моя спецодежда, оболочка, ставшая моей кожей, моим телом, моей сущностью. Сначала ночь была внешней и, думалось мне, временной. Она окутывала меня, скрывая в себе темноту моего лица. Постепенно я стану светлее, меня здесь поймут и примут, день настанет и для меня. Так мне верилось. Так мне мечталось. И в радостном ожидании этого дня шли ночи. На закате вместе с рабочей формой облачался я в ночь, и снимал ее с себя на рассвете. Но с годами ночи становились все длиннее, все плотнее делался их слой, покрывающий мое тело. Из-неможенный к утру, я часто не мог найти силы снять, смыть с себя ночь, и она срослась со мной, проникла в мышцы и кости.

Словно призрак, только ночью могу я выйти наружу. Только ночью я встречаюсь с тобой.

К вечеру, когда сгущаются сумерки, я прихожу к тебе. Ты лежишь передо мной разбитый после долгого дня, весь истоптанный, грязный, заплеванный. И я берусь за дело. Сначала я собираю крупный мусор. Потом щеткой я вычищаю каждый уголок, каждый изгиб твоих каналов, горбинку каждого моста, отмываю бензин, рвоту, кровь. Потом тщательно отскабливаю с поверхности твоих мостовых плевки жвачки. Мне знаком каждый твой шрам, каждая щербинка, я не оставлю без внимания ни сантиметра. К середине ночи мне начинает нестерпимо ломить спину, пальцы деревенеют и не слушаются на ветру, ноги подкашиваются. Но я продолжаю. Я буду продолжать до самой зари, пока не уберу последнюю соринку, пока не ототру последнее пятнышко, пока не верну твой всем знакомый безукоризненно блестательный вид.

Почти все, кто работает со мной, делают это ради денег. Кто-то тянет на себе родителей-стариков, кто-то пытается поставить на ноги младших сестренок и братишек, а кто-то надеется, что сможет вытащить детей из кромешной нищеты, дать им шанс на другую, лучшую жизнь. Но не я. Я делаю это ради тебя, ради своей мечты о тебе.

Это была любовь с первого взгляда. Многодневный путь постепенно стирал воспоминания о прежней жизни. И когда я вышел из поезда, то не прошло и получаса, а я уже знал – я здесь навсегда. Я не мог понять, приехал ли я сюда впервые или вернулся туда, где должен был родиться.

Рассвет с первыми холодными лучами вонзил мне в глаза проспекты и тонкую иглу золотого шпilla, сквозь слезы повел мой взгляд прямыми до боли линиями, перечерчивая его привычные траектории, чтобы наделить меня новым зрением. Я был готов распороть и перекроить всего себя тебе под стать. Но сквозь гордую безупречную красоту я вдруг разглядел беспомощность. В своей окаменевшей распластанности ты не мог заботиться о себе сам, тебе было стыдно признаться, но ты нуждался во мне, так нуждался! Мне вспомнился потерянный взгляд из-под хмурых бровей внезапно овдовевшего аксакала, грозы семейства, ветерана войны, и оторвавшаяся пуговица на его

Невидимым “Невский” нинг Чынбылпі шын

Գիշերն ու միայն գիշերն է իմ ժամանակը, իմ համազգեստը, շղարշը, որ դարձել է մաշկս, մարմինս, եռթյունս: Ակրում գիշերը միայն արտաքին էր ու, կարծում էի, ժամանակավոր: Այն պատում էր ինձ՝ իր մեջ բարցնելով դեմքիս մթուրյունը: Աստիճանաբար ավելի լուսավոր կրառնամ, ինձ այստեղ կհասկանան ու կընդունեն. իմ օրն էլ կզա: Հավատում էի դրան: Դրա մասին էի երազում: Ու այդ օրվա երջանիկ սպասման մեջ անցնում էին գիշերները: Արևամուտին աշխատազգեստիս հետ հազնում էի գիշերն ու լուսաբացին հանում այն: Տարիների հետ, սակայն, գիշերն ավելի ու ավելի երկար էր դառնում, ավելի էր հաստանում մարմինս ծածկող դրա շերտը: Առավոտյան ուժասապառ հաճախ չէի կարողանում գիշերը վրայից հանելու ուժ գտնել, ու այն ձուլվեց ինձ, ներթափանցեց մկաններս ու ոսկորներս:

Ուրվականի պես, միայն զիշերն եմ կարող դուրս գալ:
Միայն զիշերն եմ հանդիպում ինքս ինձ:

Երեկոյան, երբ մընշադր խորանում է, զալիս եմ քեզ մոտ: Դու պառկած ես իմ առջև տանջված երկար օրվանից հետո, ամբողջութին ոտնահարված, կեղտոտ, թքապատ: Ու ես գործի եմ անցնում: Ակզբում հավաքում եմ խոշոր աղբը: Հետո խոզանակով մաքրում եմ ջրանցքներիդ յուրաքանչյուր անկյունը, յուրաքանչյուր կամուրջի գալարը, վանում եմ բենզինը, փսխուքն ու արյունը: Հետո կամուրջներիդ վրայից մանրակրկտորեն քերում եմ ծամոնները: Ինձ ծանոթ է քո ամեն մի սպիտին, ամեն մի փոսք. ոչ մի սանտիմատը անուշարրության չեմ մասնում: Գիշերակեսին մեջքը սկսում է անտանելի ցավել, մատներս փայտանում են ու անհնազանդ դառնում քամուն, ոտքերս թուլանում են: Բայց ես շարունակում եմ: Շարունակելու եմ մինչև լուսաբաց, քանի դեռ չեմ հավաքել վերջին փուշը, քանի դեռ չեմ մաքրել վերջին կեղտարիծը, քանի դեռ չեմ վերադարձել քո բոլորին ծանոթ անթերի անբասիր տեսքո:

Ինձ հետ աշխատողներից գրեթե բոլորը դա անում են հանուն փողի: Ումանք տարեց ծնողներին են պահում, մյուսները փորձում են ոսրի կանգնեցնել կրտսեր

уборщикам Невского күринмас тозалавчиларига бағишиланади Тишибұлхан һашшарашынбекін

пиджаке. И я поклялся, что пока жив, я буду с тобой. Я буду сдувать с тебя пылинки, ухаживать, как за родным отцом.

Вот уже много лет я выполняю невидимую работу. Я не должен смущать местных своим видом. Словно новая невестка в семье, я должен успеть подмети улицу и спрятаться до того, как проснутся люди.

Первое время, когда я еще дерзал изредка выходить днем, я надеялся, что мы оба привыкнем друг к другу при свете. Мой страх пройдет, ты перестанешь чувствовать неловкость от моего облика и акцента. Люди в основном относились ко мне хорошо: вежливо не замечали. Только раз был случай, когда парни, совсем еще молодые, почти мальчишки, вдруг окружили и начали обзываются, толкать что есть силы с криками: "Россия для русских! Это наш город!" "Нет, не ваш!" — скривившись под ударами, думал я. "Ты мой! Ты наш! Город дворников-призраков, каждую ночь отмывающих тебя от грязи. Ты — город того седеющего армянина, которому один из вас наступил на пальцы, когда тот клал плитку на тротуаре. Ты — город ночных грузчиков и сортировщиков. Тех, кто выполняет скрытую от глаз грязную тяжелую работу. Ты мой! Ты мой! Никто не любит тебя так, как я!" Но ты наблюдал за моим избиением с холодным безразличием. Не дрогнув ни одним домом, не поведя мостом. Твоя безучастность ранила больней, чем удары. Что ж... Меня предупреждали, что у тебя каменное сердце.

Мне некого винить. У меня могла быть другая жизнь. Могла быть родина, могла быть семья,уважение. Я сам сделал свой выбор. Сначала были звонки, голоса,просьбы,молбы,угрозы. Я выбрал тебя. Шло время. То прошлое и то будущее, с которым связывали меня голоса, отступали все дальше и дальше, теряли признаки реальности. Сейчас я даже не до конца могу быть уверен, что они не были сном. Я остался с тобой. С тобой и со своей рухнувшей надеждой, что ты признаешь меня. Один на один. Не гражданин. Не турист. Неизвестно чей ночной фантом.

оғыдан ўзини йўқотиб кўйган қараси, уруш қаҳрамони оиласининг нотинчлиги, унинг кийимида узилган тутмаси ёдимга тушиб, қасам ичдим: то тирик эканман, сен билан бирга бўламан. Сени кўз қорачигимдек асрайман, ўз отамни авайлагандек, сени парваришлайман.

Мана неча йиллардан бўён кўримсиз ишни бажариб келаман. Маҳаллий ахолини ташки кўринишим билан эътиборини жалб қиласлигим керак. Худди янги келиндеқ, одамлар уйғонгунга қадар кўчаларни супуриб, яшиниб олишим керак.

Дастлабки келган кунларим, кундузи кўчага аранг-арангда чиқиб турардим, бир биримизга кўниги кетишимизга умид килардим. Менинг кўркувим йўқолиб боради, сен эса кўринишни ва акцентим туфайли ўзингни нокулай хис этмай кўясан. Одамлар асосан менга яхши муомалада бўлишарди: борлигим илтифот билан сезмай кўя колардилар. Бир мартағина бехосдан ёш йигитлар тўдаси мени ўраб олиб, лакаб билан масҳара кила бошлашган, бир бирларига мени итариб, бор кучлари билан "Россия руслар учун!", "Бу бизнинг шахримиз!" деб дўйпослай кетишганди. Зарбалар туфайли гимрайиб ётарканман, "Сенларники эмас!" деб ўйлар эдим. "Сен меникисан! Сен бизникисан! Сени ҳар тун кир ва ахлатдан тозаловчи "арвоҳларнинг" шахрисан. Сен анави йўлакчага ғишт тераётган вақтида бармогини юриб кетаётган одамларнинг бири эзиб олган, сочига оқ тушган арманнинг шахрисан. Сен тунги вақтда юк кўтарувчи ва нарса ажратувчиларнинг шахрисан. Кўзга кўринмас, яширин тарзда энг оғир ва энг кир ишларни бажарувчиларнинг шахрисан. Сен меникисан! Меникисан! Ҳеч ким сени мендек ёқтирмайди!" Бирор сен мени дўйпослашларига совуқ бефарқлик билан гувоҳ бўлиб турдинг. Бирор уйинг, бирор кўпригинг қимирлад кўймади. Бефарқлигинг мен учун дўйпослашларидан ҳам оғирроқ зарба бўлди. Нимаям дердим... Юрагинг тош экани ҳақида мени огоҳлантиришган эди.

Ҳеч кимни айблай олмайман. Ҳаётим умуман бошқача бўлиши мумкин эди. Оилам, Ватаним, хурматим бўлиши мумкин эди. Ўзим шу йўлни танладим. Аввал кўнгириклар, овозлар, илтимослар, пўписалалар бўлди. Шунда мен сени танладим. Вақт ўтгани сари ўша овозлар билан мени боғлаб турган ўтмиш ҳам, келажак ҳам мендан узоклашиб бораверарди, ҳақиқийлигини йўқотаверарди.

Руијрілікнебекін ու һөрәяржанебекін, իսկ ոմանը ել һопија ունեն, որ құларпәнәнән իрենց երեխашанебекін һәнәң һүррә атрапаштаптюнбен, һәрән տаң ပирхә, әүбәл һүәнәр ունենәләп һәнәрәптирижюн: Բայց ոչ ես: Ես դә անում եմ һәнән թебә, һәнән քо մասին իմ երազаңрә:

Тәа սәр һәр атапаҳн һәҗағдәрә: Կես ժամ եւ չէր անցէ, һәнәк һәнәптирижюнбен ғәнջәп ғәнәптирижюнбен һүрәп һәнәк құнәрәп, իսկ ես արդեն գһиетәк әյսиетә եմ һәүләрә: Әкі һәсәләнүп әрәпжәп առәпжәп անәқа է әյսиетә զәйн զәйн զәйн, թә վերադарләп եմ әյսиетә, որտեղ պәнәп է ծәнәк:

Ілуисарғаң առաջին սառը ձառապажрнебекі պәрәп մүпәддәп պորтисташанебекі ու ուսկե սայрә ғәрәп ասենәнәսәјәрә, արցոնքәшәвәռ հәҗағдәп անәқа ғәнәптирижюнбен ғәнәптирижюнбен պәрәп աստәбәрәп ուղղи ուղղи պәрәп աստәбәрәп ғәнәптирижюнбен հәнәптирижюнбен ինձ նոր տәнаптирижюнбен օժнеләп һәнәмәрә: Ես պատրաստ էի քանդէլ ու վերափиңել իմ ողջ էությունն ու այն թебә һәнәмәպատախәнәցնել: Սակայն քо һәҗағдәп գәнәптирижюнбен հәнәптирижюнбен անզորություն նկատեցի: Քո քարացած փովածությամբ ինքը քո մասին հոգ տանել չէր կարող, ամաշում էիր ընդունել քայց ես թебә պետք էի, այդքան պետք: Հանկարծ һիշեցի һәнәкәрәпәләп այրիացած ակынажа տոහի մәծի, պատերազմի վետերանի շүларәд һәҗағдәп մռայ һәнәптирижюнбен պոկված կոճаկը: Ու երդվեցի քանի կամ, թебә հետ եմ լինելәп: Մարքәлու եմ փոշու ամեն մի մասնիկն ու խնամելու եմ հորս պես:

Արդեն քանի տարի է անտեսանելի աշխատանը եմ կատարում: Ես չպետք է տեղացիներին անհանգստացնեմ իմ տեսքով: Ընտանիքի նորահարսի պես պետք է հասցնեմ ակիл փողոցն ու թաքնվել, քանի դեռ մարդիկ չեն արթնացել:

Սկզбнебекі, երբ է համարձակվում էի երբեմ ցերեկը դուրս գայ, һопија ունեի, որ միմյանց կսպորեն լուսի ներքո: Қаюш қаюнбүй, դու կղադарես անհարմար զәвәл տեսրից ու ակցենտից: Սարդիկ հիմնականում ինձ լավ էին վերաբերվում քաղաքավարի անտեսում էին: Ӯ այն մի անգամ դեպք պատահեց, երբ մի քանի տղաներ դեռ շատ երիտասարդ, գրեթե պատանիներ, һәнәкәрծ շәքшаштәңбән ու սկսեցին վիրավորել, ամրող ուժով һրել ու բղավել. «Շուսաստանը

Нет, не то, что мне платят вдвое меньше за двойную работу, не то, что случись со мной болезнь — никого не будет рядом, и мне грозит голодная старость, — не дает мне покоя. Твое двуличие — вот что действительно сводит меня с ума, заставляет рыдать в отчаянии. По вечерам ты ждешь меня. Ночью мы близки до последних пределов близости. Я знаю тебя таким, каким не знает никто. Ты открывашь мне все свои слабости и изъяны. Нет никого роднее нас, и нельзя представить, что это может быть иначе. Но днем все меняется. Ты не замечаешь меня. Как будто мы не знакомы, как будто ничего не было. Как будто меня не существует. У тебя есть свои, коренные жители. Перед ними ты красуешься, с ними ты веселишься и скорбишь, празднуешь праздники и переживаешь траур. С ними вы растите детей и хороните стариков. И я должен исчезнуть, раствориться в небытии до наступления следующей ночи.

Если быть до конца откровенным, страшнее всего то, что я и сам не знаю, существую ли я на самом деле. Невидимый и не замечаемый никем, как я могу быть в этом уверен? Какие у меня есть доказательства? Если этим вечером я не выйду на работу, останешься ли ты грязным, или тут же найдется кто-то другой мне на смену? Убранный другими руками, почувствуешь ли ты разницу? Заметишь ли что-то? Есть я или меня нет? Кто я? Каков я? Нет, я не существую. Кто-то другой пишет за меня. Ночь растворила меня в себе. Ночь, только ночь — моя сущность.

Хозир улар туш эмас, рёё бўлганини ҳам ишонч билан айта олмайман. Мен сен билан колдим. Сен ва мени тан олишинг борасида парчаланган умидим билан колдим. Ёлғиз. Ё фукаро эмас, ё турист эмас, кимнинг сароби эканим номаълум.

Йўқ, икки баробар кўп ишлаб, икки баробар кам маош тўлашлари ҳам, касал бўлиб қолсан, олдимда ҳеч ким бўлмаслиги ҳам, мени очлик ва ночор қариллик кутаётгани ҳам тинчимни бузмайди. Сенинг иккюзламачилигинг ақлимдан оздиради, ноиложлиқдан дод солиб, фарёд килишимга мажбур этади. Кечалари мени кутасан. Тунлари иложи борича яқинмиз. Мен сени ҳеч ким билмайдиган тарафдан биламан. Менга барча заифлик ва яраларингни очасан. Биздек бир бирига яқин ҳеч ким бўлмас керак. Бошқача бўлиши ҳам мумкин эмас. Лекин кундузи барчаси ўзгаради. Мени сезмайсан. Гўё бир биримизни танимайдигандек, ҳеч нарса бўлмагандек. Гўё мен мавжуд эмасман. Ўзингни маҳаллий аҳолинг бор. Улар олдида бор нағислигингни кўрсатасан, улар билан хурсандчилик ва ғам-қайгуни бирга ўтказсан. Улар билан фарзанд катта киласизлар, қариларни сўнгги манзилга кузатасизлар. Мен эса йўқ бўлиб қолиш им керак, то тун бошлангунига қадар саробга айланишим, мавжудлигимдан воз кечишим керак.

Ростини айтадиган бўлсан, ўзим ҳам мавжудманни йўқми билмайман, энг кўркинчлиси ҳам шу бўлса керак. Ҳеч кимга кўринмасам, ҳеч ким мени сезмаса, буни каердан билишим мумкин? Қандай исботим бор? Агар кечаси ишга чиқмасам, кирлигингча қолиб кетасанми ёки ўрнимга дарров бошқаси топила қоладими? Бошқасининг кўли билан тозаланган вақтинг, менинг ўрнимни, фаркни сезармикинсан? Бирор нимани пайқармикинсан? Борманни ёки йўқмани? Кимман? Қандайман? Йўқ, мен мавжуд эмасман. Бошқа бир одам менинг ўрнимга ёзяпти. Тун мени ўзиди эритиб юборди. Тун, фақаттиган тун менинг мажудлигимдир.

нотулуберх'ун է: Уа мә’р քаҳварн է: «О’з, дәрр չե», митадоми է ҳи հարվածների տակ ծալլած: «Դու ի մա ես: Դու մե ըն ես: Ամեն գիշեր քեզ կեղտից մաքրող ուրվական հավաքարաբների քաղաքը: Դու այն ձերմակող հայի քաղաքն ես, ում մատները ձեզնից մեկը տրորեց, երբ նա մայթի վրա սալիկներ էր շարում: Դու գիշերային բեռնակիրների ու տեսակավորողների քաղաքն ես: Նրանց, ովքեր կատարում են աշերից թաքված կեղսոտ ու ծանր աշխատանք: Դու ի մա ես: Էմր: Ոչ որ քեզ իմ պես չի սիրում»: Բայց դու հետևում էր իմ ծեծին սառն անտարբերությունն ավելի ցավոտ էր, քան հարվածները: Դե ինչ... Ինձ գգուշացնում էին, որ քո սիրուր քարից է:

Ոչ որի մեղադրելու շոնեմ: Ես կարող էի այլ կյանք ունենալ: Կարող էի հայրենիք ունենալ, ընտանիք, հարգանք: Ես ինքս եմ ընտրություն կատարել: Ակզրում զանգեր էին, ձայներ, խոնդրանքներ, աղերսանքներ, սպառնալիքներ: Ես ընտրեցի քեզ: Ժամանակը անցնում էր, և այն անցյալը, այն ապագան, որի հետ ինձ կապում էին ձայները, ավելի ու ավելի էին նահաջում, կորցնում իրականության նշանները: Հիմա նույնիսկ չեմ կարող ամրողովին համոզված լինելու որ դրանք երազ չեն: Ես մասին քո հետ: Քո ու իմ վլուգված հույսի հետ, որ դու ինձ կընդունես: Դեմ առ դում: Ոչ քաղաքացի, ոչ զբոսաշրջիկ անհայտ մելիք գիշերային տեսիլք:

Ոչ, ինձ չի մտահոգում այն, որ ինձ կիսով շափ են վճարում կրկնակի աշխատանքի դիմաց, որ, եթե հիվանդանամ, կողքիս ոչ որ չինի ու որ ինձ քաղցած ծերություն է սպասում: Քո երկերսանիությունն է ինձ իրականում խենթացնում, ստիպում հուսալությունից հեկեկալ: Ամեն երեկո սպասում ես ինձ: Գիշերը մինչև մտերմության հնարավոր եզրը մտերիմ ենք: Ես քեզ ճանաչում եմ այսպիսին, ինչպիսին ոչ որ չի ճանաչում: Դու ինձ բացում ես քո բոլոր թուլություններն ու թերությունները: Մեզնից հարազատ ոչ որ չկա, ու այլ կերպ հնարավոր չէ պատկերացնել: Բայց ցերեկն ամեն ինչ փոխվում է: Դու ինձ չես նկատում: Ասես անձանտ ենք, ասես ոչինչ չի եղի: Ասես ես գոյություն շունեմ: Դու ունես քո հարազատ բնիկներին: Նրանց առաջ սեթերություն են, նրանց հետ ուրախանում ու տիրում, տոնում ու սպում: Նրանց հետ մեծացնում եք երեխաներին ու քաղում ծերերին: Ու ես պես է անհետանամ, անհանամ մինչև հաջորդ գիշեր:

Եթե լիովին անկեղծ լինեմ, ապա ամենասարսափելին այն է, որ ինքս էլ զգիտեմ՝ արդյոք իրականում գոյություն ունեմ: Անտեսանելի և բոլորի կողմից աննկատելի, ինչպես կարող եմ վստահ լինել լրանում: Ի՞նչ ապացույցներ ունեմ: Եթե այս երեկո գործի դուրս չկամ, դու կեղսու ու կիսաս, թե ինչ-որ մեկն ինձ անփշապես կփոխարինի: Ուրիշի ձեռքերով մաքրված արդյոք կզզա՞ս ու տարբերությունը: Ինչ-որ բան կնկատե՞ս: Ես կա մ, թե՞ գոյություն չունեմ: Ով ես ես: Ինչպիսի՞ն եմ: Ոչ ես գոյություն չունեմ: Իմ փոխարեն մեկ ուրիշն է գրում: Գիշերը լուծել է ինձ իր մեջ: Գիշերն ու միայն գիշերն է իմ կույժունը:

Над выпуском работали:

Ольга Житлина – главный редактор

Анна Терешкина – графика

Андрей Лосич – дизайн, верстка,

Игорь Кравчук – редактура, корректура

Зарнigor Omonillayeva – перевод на узбекский

Сохиба Хойитбоева – редактура, корректура узбекского текста

Нарине Хачатрян, Армен Меликбекян, Юрий Манвелян – перевод на армянский

Томас Кэмпбелл – перевод на английский

Production Team

Olga Zhitlina – editor

Anna Tereshkina – illustrator

Andrei Losich – design, layout

Igor Kravchuk – editing, proofreading

Zarnigor Omonillayeva – Uzbek translations

Sohiba Khoyitboeva – Uzbek editing, proofreading

Narine Khachatryan, Armen Melikbekyan, Yuri Manvelyan – Armenian translations

Thomas Campbell – English translations

We heard the statements and jokes reproduced in "In a Village Where the Men All Left to Work" in Mets Masrik, Gegarkunik Province, Armenia.

Dilnoza Ashurova and Gulasal Bakhtiyorova researched the information presented in "The Price of Marriage."

Special thanks to

Evia Hovhannisan, Avik Malyan, Safina Hijobova, Yuri Manvelyan, Arevik Martirossyan, Andrei Yakimov, Sevarkhon Mannonova, Sirojiddin Mannonov, Salbina Karapeyan, Hamid Ismailov, Susan Yeranosyan, Irina, Zveda, Gayane Gasparyan, Yervand Agajanyan, Armen Astaryan, Valentina Eghazaryan, Karine Mnatsakanyan and all the residents of Mets Masrik

Nasreddin in Russia No. 4 was produced as part of the research project «Spaces of Justice across the East-West Divide» at the Faculty of Management, University of Tampere, with support from the Kone Foundation

Send your jokes, stories, drawings, and poems to the Hodja Nasreddin Joke Competition page on the VK social network (https://vk.com/nasreddin_v_rossii)

This newspaper is printed in small editions. It is likely the editors will never have the money to reprint a particular issue, so do not throw it away. After you have read and enjoyed it, give it to someone else.

St. Petersburg – Yerevan – Mets Masrik, 2017

Реплики и шутки материала "В селе, из которого все мужчины уехали на заработки...", услышаны нами в селе Мең-Масрик (Гехаркуникская область)

Информацию для материала "Цена брака" собрали
Дильноза Ашуррова и Гуласал Бахтиерова

Отдельная благодарность:

Эвии Ованнисян, Авику Маляну, Сафине Хиджобовой, Юрию Манвеляну, Аревик Мартиросян, Андрею Якимову, Севархон и Серожидину Манноновым, Сальбине Карапеян, Хамиду Исмайловой, Сусан Ераносян, Ирине, Зведе, Гаянэ Гаспарян, Ерванду Агаджаняну, Армену Астаряну, Валентине Степановне Егазарян, Каринэ Мнацаканян и всем жителям села Мең-Масрик

Проект осуществлен в рамках исследовательского проекта
"Spaces of Justice across East-West divide"
Факультета менеджмента в Университете Тампере
при поддержке фонда Коне

Присылайте нам свои шутки, рассказы, рисунки, стихи в группу на сайте «ВКонтакте»
«Конкурс шутки Ходжи Насреддина» https://vk.com/nasreddin_v_rossii

Эта газета напечатана небольшим тиражом, и возможно,
у авторов никогда не будет денег на переиздание. Не выбрасывайте ее!
Когда прочтете, поделитесь ей с кем-то еще!

Санкт-Петербург – Ереван – Мең-Масрик, 2017

